

**Звукообраз в прозе Е.И. Замятина:
к характеристике творческой индивидуальности писателя
Дьякова Ксения Викторовна**

студентка

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,

Тамбов, Россия

email: djakova_ks@mail.ru

В современном литературоведении актуализируются попытки нового, нетрадиционного прочтения и осмысления творческого наследия одного из выдающихся русских прозаиков первой половины XX в. Е.И. Замятина. Процесс выявления новых нюансов прозы писателя, особенностей его художественного мышления, общих закономерностей в построении концепции человека и мира не может быть оторван от авторских представлений о художественном творчестве как таковом. «...Искусство слова – это живопись + архитектура + музыка» [Замятин: 128] – этот тезис стал одним из определяющих в теории синтетизма Е.И. Замятина, которая вызревала, формировалась и оттачивалась отнюдь не в одной заглавной статье «О синтетизме». Одним из важнейших и вместе с тем наименее разработанных аспектов творчества писателя представляется «музыка», т.е. звуковая изобразительность, реализованная в прозе Замятина. К этой проблеме писатель возвращался в течение всей своей творческой жизни.

Особенности звукописи-инструментовки, ритмоинтонационной орнаментики, строфической композиции, соприкасающейся с ритмической организацией, метризацией произведения, звуковых лейтмотивов частично исследовались в работах различных ученых. Проблема звукообразов – элементов образной системы прозы Замятина – не была до сих пор предметом специального изучения, несмотря на то, что практически все замятиноведы акцентировали ее большую значимость в творчестве писателя. Целью нашего исследования является попытка аналитической характеристики звукового пространства прозы Е.И. Замятина: обнаружение оригинальных языковых приемов, использованных писателем при звуковом оформлении произведений, обозначение звуковых модификаций и нестандартных вариантов развития звуковых рядов.

Под термином звукообраз понимается форма словесного воспроизведения звукового бытия в художественном произведении, обладающая собственной структурой и функционирующая как относительно независимое, поддающееся условному вычленению звено в структуре художественного целого.

Ориентируясь на авторскую характеристику искусства слова как живописи, архитектуры и музыки, закономерно разграничить звуковые образы в зависимости от структурного акцента, в них обозначенного. Если исходить из этого принципа, в прозе Замятина намечаются три основные модификации звуковых образов: визуальное воплощение звука, архитектурное и собственно музыкальное.

В качестве визуально воплощенного звука выступает звуковой образ, воссозданный в произведении через образ зрительный. «Музыкальное» и «живописное» синтезируется, как поддерживая, углубляя образы отдельных персонажей, так и отделяясь от них, представляя собой независимую художественную сущность. Порой звукообраз перерастает в настоящую сюжетную картину и с помощью непосредственного изображения, объемного лексического окружения рождает у читателя понимание характера звука: «Яркой, дрожащей пеленой повис крик над двором и заколыхался – и все смотрели вверх. Ухнуло в камере эхо и, дерзкое, хохочущее, помчалось по коридорам, раскидывая по сторонам тишину» [Замятин: 50]. Звукообразы, воплощенные в произведении с помощью подобного изображения, обретают величественность, мощь. За счет визуализации происходит «вочеловечивание», «субъективизация», персонификация звука. Звуки существуют сами по себе, обретают собственную силу, тем самым, подвергая персонажей дополнительному внешнему давлению, делая их бессильными, обезоруживая: «Тусклыми, серыми змейками заползают в мозг звуки и мечутся в тоске, перегрызают мысли и терзают» [Там же: 60]. Такое построение образной системы неизменно привносит

в произведение некий мистицизм, мотив судьбы, рока, воплощает неминуемую силу обстоятельств, низводящую усилия героев, их борьбу на нет.

Под архитектурно воплощенным звуком понимается звуковой образ, содержащий в себе определенное композиционное развитие. Его структуру, как правило, можно легко представить в виде несложной схемы. Одним из примечательных способов архитектурного построения звукового образа является прогрессия. Звук в этом случае движется по нарастающей, набирая все большую мощь и объемность. Автор как бы показывает невидимую внутреннюю связь событий: «Дальше так: едва я успел взять кубик на вилку, как тотчас же вилка вздрогнула у меня в руке и звякнула о тарелку – и вздрогнули, зазвенели столы, стены, посуда, воздух, и снаружи – какой-то огромный, до неба, железный круглый гул – через головы, через дома – и далеко замер чуть заметными, мелкими, как на воде, кругами» [Там же: 670].

Собственно музыкальное воплощение звука в плане художественной образности проявляется как звукообраз, построение которого основано на пояснении базового звука вспомогательным по модели «звук–звук»: «В тишине – явственное жужжание колес, как шум воспаленной крови». Причем обрести статус звукообраза в произведении, как видим, может не только собственно звук. Так «шум воспаленной крови» не является звуком в буквальном смысле. Это скорее ощущение, вызванное определенным психологическим либо физическим состоянием. «Явственное жужжание колес» в тишине вызывает у героя то самое ощущение, которое он описывает как «шум воспаленной крови» [Там же: 171]. Появление такого образа – следствие исключения из текста лишних деталей, дополнительных разъяснений.

Превращение образа звучания в сюжетобразующий элемент выгодно отличает авторскую манеру Замятина. Благодаря синтетическому соединению живописи, архитектуры и музыки звукообраз перерастает положение привычной художественной детали, вырывается с периферии произведения и стремится в центр. Это придает образам звучания статус особых смысловых кодов в произведениях Замятина. Исследование феномена звука в творчестве Замятина способствует более глубокому пониманию сущности поставленных им нравственно–философских проблем, раскрытию новых граней в психологии героев и мотивации их поступков.

Литература

Замятин Е.И. Собр.соч.: В 5 т. М., 2004.

Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: В 13 т. Тамбов, 1994–2004.